

ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК

II ЧАСТЬ – ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ПРОПАСТЬЮ

5. В ЧЕЛЮСТЯХ СИНЕГО ДРАКОНА

4. ПАМЯТИ ДРУГА

*"Жил-был странник. Он обошел всю Землю – в стоптанных башмаках, с киноаппаратом на ремне. Он пил ледяную воду из горных ручьев, просеивал сквозь пальцы жгучий песок Сахары, охотился на кальмаров в подводных лесах Фиджи (*232).*

Ему было мало. Что он видел – одну планету из мириадов, заселяющих Космос! И странник ушел к звездам. Так и ушел – в стоптанных ботинках, с неизменным киноаппаратом. Серебристая лунная дорожка повела его в путь без возврата. Он шел, и звезды улыбались ему, планеты давали ему приют, и впереди его ждали неисчислимые и невероятные приключения.

Потому что был он – Странник.

Станный человек, непохожий на других..."

Я тупо смотрел на только вытащенные из конверта печатные листы.

Письмо пришло от Гриши Сигалова, одного из лидеров спелеологов новой волны МФТИ (Московского Физико-Технологического Института).

Собственно, тогда мы и не были знакомы. Просто однажды таким же вечером я вскрыл такой же точно конверт.

"Уважаемый Константин Борисович!

Наш общий знакомый рекомендовал мне Вас как крупнейшего в СССР специалиста по СРТ.

...В.Киселев посоветовал обратиться к Вам с просьбой написать предисловие...

О Вашем согласии прошу сообщить мне или Володе – с ним я поддерживаю постоянную связь...

Григорий Сигалов".

Если Володя намекал, что кому-то стоит помочь, значит, это действительно имело смысл. Бабочки-однодневки от спелеологии в число его интересов не попадали. Не только новые пещеры – с каким-то удивительным чутьем Киселев находил и старался поддержать людей, действительно заинтересованных в Деле.

Гриша прислал очередной, мартовский, "Вестник", и я тупо смотрю на его первый лист, на фотографию в черной рамке.

С нее смотрит куда-то, в освещенную карбидкой даль, до обыденности знакомый мне человек в ребристой джуралевой каске "Абакан-строй".

...Такие каски только у мэтров и остались. Мою подарил мне Рустик Хамитов, я храню ее и сейчас, так сказать, через каску приобщившись к компании "старожилов"...

И вот смотрю на черные строчки, и чувствую, что буквы начинают неудержимую пляску перед глазами:

"Это не должно было случиться. Это не могло случиться с Володией. Он посвятил всю жизнь, без остатка, исследованию пещер. Он был естественным в пещерной среде, он никогда не сражался с пещерой. Увы... это случилось.

Володя Киселев был ненасытным, неутомимым первопроходцем, Исследователем пещер. Спелеолог высочайшей квалификации. В технике, в документации, во всем, за что он брался в своей спелеологической деятельности.

Мне посчастливилось очень много работать с Володей в самых разных пещерах: у меня никогда не было под землей партнера более надежного и интересного, чем он.

У Володи было огромное множество друзей и в родных пенатах, и в десятках стран на всех континентах. Для всех нас его гибель – тяжелейшее известие, невосполнимая утрата. Он был, и он останется навсегда – Великим Спелеологом и Другом.

Александр Климчук".

Это Клим, Климчук, Саша...

Как же так? Этого не может быть...

"Погиб Володя Киселев. Не может быть.

Это может быть с любым из спелеологов, но не может быть с Володией. Как?..

Сколько пещер и сифонов он прошел, не сможет сразу перечислить никто. И прошел первым. Володя – первопроходец-лидер. Он был мотором, тараном, который протаскил наши экспедиции в системе Илюхина через километры ходов и четыре сифона до глубины 1220 метров. Он один первым прошел столько пещер и сифонов, сколько хватит на несколько неслабых клубов.

Володя вывел нас в международный спелеологический мир. Для многих европейских и американских спелеологов русский спелеолог – это Владимир Киселев.

Я не могу представить себе Володю без спелеологии.

Я не могу представить себе спелеологию без Володи.

Михаил Дякин".

Мишка Дякин... Значит, правда. Как? Когда? Где?...

Черт! Да что же это делается? Невозможно...

"8 марта 1995 года при первопрохождении сифона в пещере ЖВ-52 (Пинега, Архангельская область) трагически погиб выдающийся российский спелеолог Владимир Киселев (*233).

Всю свою жизнь Владимир посвятил исследованию пещер. Он прошел сотни подземных полостей, многие из них первым. Его по праву считали пионером, первопроходцем, лидером отечественной спелеологии.

Владимир Киселев имел громадный авторитет и известность во всем мире. Он многие годы представлял отечественную спелеологию за рубежом, был членом десятков обществ и клубов, в том числе старейшего "Клуба Великих Путешественников" из Нью-Йорка.

Гибель выдающегося исследователя потрясла всех. Десятками факсов, телеграмм, телефонных звонков отозвалась планета: Россия, Прибалтика, Украина, США, Великобритания, Франция, Ирландия...

Те, кто смог, собрались со всех концов страны, чтобы проводить в последний путь своего друга, учителя, соратника.

Память о великом Человеке, Спелеологе и Друге навсегда останется в наших сердцах.

Редколлегия".

* * *

Словно паралитик, хочу, но никак не могу сообразить, как узнать у компьютера текущую дату. Наконец, втыкаю первый попавшийся текстовый файл в "Лексикон" и вижу в уголке: "19 апреля".

Е-мое, полтора месяца прошло, а я ничего не знал.

Надо что-то делать, что-то написать...

Но что теперь толку?

И ложатся на бумагу беспомощные строчки:
Друзья уходят навсегда в сифоны,
А мы о том не сразу узнаем...

* * *

...Машинально перелистываю странички "Вестника", каждая буква корчится в
бесшумном плаче.

"Мозг пробило вестью сумасшедшей,
сердце екнуло и оборвалось вниз.
Я себя почувствовал сошедшим
на некрепкий ледяной карниз...
Как же так, Володя, что случилось?!
Ты ведь застрахован был от бед.
Неужели это не приснилось?
Бред... (*234)

Страшно, когда уходит близкий человек.
Невыразимое горе комкает разум, тупой болью отдаваясь в сердце...
Многократно страшнее слышать о гибели Володи Киселева.
Учитель и друг, он был для нас символом надежности и рассудительности.
Почва уходит из-под ног, рушатся все устои, все опоры.
Как жить дальше, если более выносливый и сильный, более опытный и мудрый
оказывается простым смертным перед непоколебимым ходом времени, случая, событий?
Он ушел из жизни, унеся с собой кусок нашего мира, может быть, самый ценный
и важный...
Но надо жить. Во имя памяти о Володе.
И не просто так, а стремясь идти первым, прокладывая путеводную нить и ведя
за собой других.
Как он..."

* * *

Я все умом, конечно, понимаю...
Я вчитываюсь в эти злые строки
И будто бы полтонны поднимаю
Куда-то вверх, к невидимым истокам.

А мы не так уж часто и встречались...
Мы шли вперед, и время вскачь летело.
Мы жили так.
И лет не замечали, как будто бы...
Да разве в этом дело!

Но мы встречались – что за были встречи!
Московских клубов дымные пределы,
Кавказ и Крым, весь мир тобой отмечен,
Арабика...
Да разве в этом дело?

Ручейная...
Я помню, под колодцем
Ты Галича мне пел в карбидном свете,
Шумел каскад водищей холодной,
И шли спасы...
Да разве дело в этом!

Хранят бумаги почерк твой знакомый,

Хранят пещеры след твоих скитаний,
И память подступает к горлу комом,
Вот ты ушел... а в памяти остались:
Бока баллонов желтые на черном,
И Гантиадский привкус "Изабеллы",
Бахчисарай, Сухуми, Киев...
Наши споры,
Ленинакан...
Да только ль в этом дело?

Форель на Мчиште, мутные сифоны,
И майских буков тонкий запах прели –
Остались дни прошедшие на фото:
Как много сделано, а сколько не успели!..

В который раз смотрю на это слово:
Погиб...
Мы все уходим в Лету.
Вот год прошел, и наступает снова
Весна.
Да разве дело в этом... (*235)
* * *

Неужели и правда прошел год?
Мы уходим, а время по-прежнему несется вскачь, пролистывая дни, месяцы,
годы. И я будто все также сижу за своим столом, оцепенело глядя на страницы
"Вестника".
Что же все-таки произошло?

"4 марта 1995 года из Москвы на Пинегу (Архангельская область) отправилась
спелеоподводная экспедиция для первопрохождения сифона в пещере ЖВ-52.
Рассказывает участник экспедиции московский спелеолог-подводник Роман Прохоров
(*236).

– Целью нашей экспедиции было обследование обводненных пещер Беломорско-
Кулойского плато, в частности, пещеры ЖВ-52. В прошлом году Володя Киселев нырял
в этой пещере и прошел 190 метров.

8 марта в 13 часов 45 минут Киселев начал погружение в пещере ЖВ-52. При
себе он имел 3 баллона (по 7 литров, 160 атмосфер), катушку с ходовым концом, 2
фонаря, закрепленные на каске.

Хотя в прошлом году в сифоне был проложен ходовой конец, решили параллельно
ему проложить новый, так как было неясно, в каком состоянии находится старый
провод (в весеннее время здесь бывают очень мощные паводки, уровень воды
поднимается на несколько метров).

Два баллона из трех имели манометры для контроля запаса воздуха.

По плану Киселев должен был оставить баллон без манометра на отметке 100
метров от входа и далее плыть с двумя баллонами, закрепленными на боках, так как
на 190-м метре начиналось сужение хода в подводном завале.

Он собирался проложить ходовой конец на возможное расстояние, а при
возвращении забрать предварительно оставленный баллон и выйти на поверхность.

После этого, сняв с его баллонов легочные автоматы и поставив их на три
других полных баллона (баллонов было 6 штук, а легочников только 3), погружение
должен был совершить Роман Прохоров, чтобы пройти дальше или обследовать боковые
ходы (в зависимости от ситуации). По запасу воздуха длительность погружения
Киселева должна была составить 1 час".

Странно. Это было странно – работа в сифоне с одним комплектом легочников.
Два манометра на три баллона... Понятно, если что-то случится в сифоне, снаружи

помочь трудно. Но ведь могли быть пузыри, засифонная часть, в конце концов, которую рассчитывали обнаружить. И если бы что-то случилось там – отрезанному от поверхности аквалангисту помочь было бы некому.

Это было не похоже на Володю, он всегда работал очень надежно.

А может быть, все было так именно потому, что он привык рассчитывать, прежде всего, на себя?

Как ни смотри, но запаса прочности у экспедиции не было.

"Прошло 3 часа, Киселев на поверхность не вышел. Так как второму подводнику нырять было не с чем, то были организованы возможные в данной ситуации спасработы – а именно обследование ближайших сухих пещер, так как существовала возможность выхода Киселева в одну из таких пещер. Эти поиски результатов не дали...

В поселок Пинега ушли два человека для вызова вертолета с необходимым спасательным оборудованием и, прежде всего, аквалангами для ныряния в ЖВ-52.

Утром 9 марта прибыл вертолет со спасателями из Архангельска. Где-то в 14 часов Роман Прохоров, снаряженный двумя аппаратами "Подводник-2", начал погружение с целью проведения поисковой операции.

В 80 метрах от входа им была обнаружена одна из ласт Киселева с оборванным креплением-ремешком. На отметке 100 метров были найдены 2 баллона. Один из них – тот, который Киселев должен был там оставить по плану. Воздушный шланг второго баллона был запутан в ходовом конце, который прокладывал Киселев. Оба баллона были пусты.

Прохоров прошел дальше до конца размотанного ходового конца. На отметке 220 метров лежала незакрепленная катушка с остатками провода. Прохоров дошел до отметки 250 метров, где закрепил ходовой конец за отверстие в стене и поплыл назад.

На обратном пути он собрал снаряжение (выпутал баллон из провода) и в 60 метрах от входа обнаружил под потолком прохода (высота прохода 3–4 метра) тело Киселева с третьим баллоном. Этот баллон был также пуст. По медицинскому заключению смерть наступила в результате классического утопления. Владимир Киселев захлебнулся.

Складывается следующая картина происшествия. На обратном пути, в том месте, где он оставил баллон, Киселев зацепил ходовой конец, а так как тот фактически не был закреплен в своей дальней точке, то образовалась петля, которая затянулась вокруг воздушного шланга баллона Киселева.

Пытаясь распутаться, Киселев израсходовал весь воздух в двух баллонах, но в конце концов сумел отцепить их и на остатках воздуха в третьем баллоне поплыл к выходу. Распутывание провода, вероятно, осложнилось мутью, поднятой со дна, и слабым светом в фонарях В.Киселева, так как батарейки за это время должны были сильно разрядиться.

По дороге к выходу из пещеры у него сломалось крепление ремня ласты, что резко снизило скорость продвижения, усилило стрессовость ситуации и, соответственно, расход воздуха, которого, в конечном счете, не хватило до выхода..."

* * *

Вот такие дела...

Неужели все должно когда-нибудь кончиться?

Если да, то лучше вот так, на полном скаку, на вершине Удачи...

Это мое мнение, только мое.

Оглядываясь назад, думаю – а ведь мы были знакомы ровно 15 лет, даже чуть больше.

Когда встретились, Киселев уже был заметной фигурой в Московском кейвинге. А я только-только начинал раскачивать кейвинг в Восточном Казахстане.

Я раскручивал первую свою спелеосекцию, и мне, как воздух, нужно было подтвердить подземный опыт какой-либо бумажкой, чтобы чиновники от туризма удостоверились в моей компетентности. Вот когда я задумался об обратной стороне "дикого" туризма!

И еще об одном задумался: если хочешь, чтобы было по-твоему, если не хочешь зависеть от других – делай все сам, ищи варианты и НИКОГДА НИЧЕГО НЕ ПРОСИ!

Как бы там ни было, но я начал тренировать школьников, попал в зависимость от финансирования и, конечно, пожалел, что раньше не придавал значения маршрутным книжкам и справкам.

К счастью, весной 1980 года илюхинская диктатура в спелеотуризме дала основательную трещину, наступила оттепель, выразившаяся в переаттестации московских "дикарей".

– Костик, – писал Леха Казеннов. – В Москве полным ходом идет переаттестация. Всем желающим выдают справки о походах до третьей категории сложности по устным отчетам, а на "четверку" и выше необходимо представить письменный отчет...

Мне бы и "тройки-Б" (*237) хватило за глаза, за мой любимый "Кутук-Сумган", куда год за годом уходили наши экспедиции.

И я рванул в Москву.

Мартовская Москва уже журчала тальми ручейками, когда в один из солнечных деньков мы с Лехой сквозь запутанные коридоры Краснопресненского клуба туристов, где проходила и уже заканчивалась переаттестация, протолкались к столу с бланками. Схватив по пачечке голубоватых типографских листочков ("Бери больше, подмигнул Леха, мы сейчас себе такое нарисуем!"), мы припали к столу, чтобы приступить к заполнению справок за совершенные путешествия.

– Чего писать-то будем?

– Все, что вспомним...

Вспоминать тогда было особенно нечего. И, тем не менее, набралось добрых два десятка пещер: Крым, Урал, Саяны – "единички", "двоечки", "троечки".

– Как думаешь, Костик, – волновался Леха, – Зачтут мне Каскадную, как "четверку-А" или заставят отчет писать?

– Трудно сказать, товарищ майор... Все, я свои написал. Теперь куда?

– Теперь на подпись к секретарю ЦМКК, Серебренникову, но сначала должен подписать Киселев.

– Киселев, это кто?

– Он от Центральной спелеосекции переаттестацию курирует, как эксперт что ли...

– От ЦС?! – с молоком матери мы впитали враждебное отношение к этой структуре (ну, не дурдом?).

– Да ты не того... Мужики говорят, Киселев, он нормальный мужик...

Вот так мы и увиделись впервые. Вряд ли Володя запомнил меня среди пятисот московских "дикарей", но я храню его автограф на тех типографских голубых листках, заполненных моим, ранним еще почерком. И храню память о той первой встрече.

* * *

Потом... большой перерыв.

Наши с Володей тропинки постепенно и незаметно сходились все ближе. Охваченные революционным пылом, желанием как можно скорее изменить наш спелеотуризм, лучшие умы от спелеологии сшибались в словесных и эпистолярных баталиях, спорили, становились по разные стороны эфемерных баррикад и снова объединялись.

И неизменно где-то рядом и обязательно вне любых экстремистских крайностей виднелась невозмутимая и всегда благожелательная улыбка Киселева.

С присущей ему прозорливостью Киселев старался держаться подальше от возни за власть – поближе к Делу.

А делом он считал только Пещеры. И отдавал им всего себя без остатка. И политические баталии грохотали у его ног.

Я знаю людей спелеологии, не расположенных ко мне, даже враждебных, но не могу припомнить никого из своих знакомых, кто бы как-то нехорошо отозвался о Киселеве. Разве что ворчали, когда Вовка, с присущей ему мягкостью, решительно отказывался принять чью-либо сторону в политическом противостоянии.

Даже принадлежность к Перовскому клубу спелеологов Москвы не портила его репутации. Знаю, что сегодня это звучит смешно. Но в середине 80-х в Перовском клубе собрались все "недобитые" остатки Центральной спелеосекции. И экстремистски настроенная часть бывших "дикарей" готова была видеть врага в любом представителе Перовского клуба.

Сразу скажу, я к таким экстремистам никогда не относился.

Можно ли строить отношение к человеку по принадлежности к клубу?

Абсурд.

А между тем, утратив всесоюзную власть, бывшие цээсовцы не собирались изменять пещерам, год за годом отправляясь на Кавказ. На Арабике усилиями Перовского клуба (где, понятно, собирались не только илюхинцы) была открыта и исследована замечательная пропасть, названная первопроходцами Перовской. Позднее – с гибелью Илюхина, система Перовская-Волчья получила имя первого выдающегося лидера советского спелеотуризма.

Эта пропасть стала звездной для Владимира Киселева, добившегося при ее прохождении результатов поистине мирового уровня.

* * *

Что остается от человека, когда он уходит в свою Последнюю Пропать?

Основное из того, что когда-то было его частью: снаряжение, вещи, какие-то материальные фетиши – растворяется в первые дни, месяцы.

Остаются слова.

Особенно, если они были преданы бумаге.

Именно с этих чудом сохранившихся листков бумаги смотрит на меня Вовка Киселев, и я благодарен своей "плюшкинской" привычке собирать все статьи и заметки о спелеологии и пещерах.

Пожалуй, Киселев больше других наших коллег писал в те годы о нашем деле. И писал хорошо. Я смотрю на собранные в скоросшиватель странички, цветные фотографии – его и о нем.

Вот он, в своем голубом клеенчатом комбинезоне, с французской карбидкой на красном шлеме, с желтыми баллонами у ног.

Почему-то вижу Киселева именно таким, в Мормитовой галерее Перовской...

И слышу, слышу его голос – оттуда, из глубин тех незабываемых штурмовых лет:

*"Шесть лет мы шли к этому дню... (*238)*

8 августа 1986 года.

Ночью из пещеры поднялись двое из штурмовой четверки – Виктор Яшкин и Николай Боровой, ростовские спелеоподводники. Ребята провели под землей ровно неделю и сегодня уходят на побережье. Через два дня кончается их отпуск.

Первый вопрос к Виктору о сифоне, который остановил нас прошлым летом. То был второй сифон на нашем долгом пути по пещерным ходам. Трижды погружались мы тогда в этот затопленный колодец, так и не обнаружив прохода. До сих пор как кошмар вспоминаю всплытие на ощупь в облаке черной мути, удары каской о нависающие выступы и ниши колодца, запутавшийся вокруг вентиля страховочный провод...

Виктор рисует план сифона, его разрез, объясняет, как надо развернуться, чтобы не застрять с баллонами в одном из сужений. Со второй попытки ему удалось вынырнуть в небольшом озерце. Свод грота вновь уходил под воду, продолжая сифон, но дальше не пускал ходовой конец – покрытый полиэтиленом толстый провод. Да и запас воздуха кончался...

Наступает очередь спелеологов из клуба АЗЛК "Москвич". Готовятся Илья Александров, Михаил Дякин и я. Четвертым в группе будет ленинградец Сергей Илюхин.

В одиннадцатом часу мы начинаем медленно подниматься по крутому склону. Жарко. Нас никто не провожает – видимо, немногие верят в успешное завершение работ. Да мы и сами настроены не очень оптимистично.

Прошлогодний мрачный прогноз специалистов по поводу этой пещеры – "серия сифонов, осложненных завалами" – пока сбывается. Такова короткая запись в моем дневнике, сделанная перед решающим спуском.

Уже который год исследуем мы безжизненные карстовые плато Гагрского и Взыбского хребтов, таящие в своих недрах пустоты с большими запасами чистой пресной воды, которой так не хватает близлежащим курортам. Именно здесь были обнаружены три глубочайшие пропасти. Две из них находятся в массиве со звучным именем Арабика (по названию одной из вершин). Первая пещера – Куйбышевская, ее исследовали куйбышевские и киевские спелеологи; вторая – пещерная система имени Владимира Илюхина. О ней и пойдет рассказ.

Сейчас кажется невероятным, что за долгие годы исследования Арабики грот, который хорошо просматривается с поверхности, не был замечен. Лишь в 1980 году экспедиция московских спелеологов прокопала привходовую снежную пробку, обнаружив за ней широкую галерею с глубоким колодцем.

1981 год принес разочарование – подземный ручей, наша путеводная нить – исчезал на дне очередного колодца, просачиваясь сквозь колоссальный завал из глыб и щебня. Глубина – 287 метров никого не могла утешить. Тогда мы еще не знали, что назовем это место "старое дно" и что вообще вся пещера напоминает ветвистое дерево – столько у нее ходов, ответвлений, галерей! Лишь на следующий год, обнаружив второй ход и обследовав несколько боковых галерей, спелеологи поверили, что это еще не конец пещеры. Штурмовые группы сумели пробиться до глубины 600 метров.

...В 1984 году настроенные на покорение километровой глубины исследователи неожиданно, на отметке – 970 метров, были остановлены полностью затопленной галереей – сифоном. На следующий год спелеоподводники пронырнули этот глубокий сифон (потом он стал числиться под номером один), но вскоре остановились перед новым препятствием.

Лето 1986 года должно было быть решающим – сумеем ли мы преодолеть магический километр?

Итак, 8 августа. Запакованный в четыре слоя защитной одежды, изнемогающий от жары, лежу на привходовом снежнике. Дефицитная вода появится лишь на глубине 160 метров. Даже в карбидку приходится временно бросить кусочек снега. Подождав ребят, забираю свой мешок с фотоаппаратурой и ухожу вниз.

Большая наклонная галерея встречает прохладой. Температура здесь никогда не превышает одного градуса. В средней части галереи начинается ниспадающий уступом ледник. Крупные кристаллы голубого льда переливаются под лучом фонаря. Спускаюсь по веревке к основанию ледника. Наверху колодца мы с Илей поджидаем Сергея и Мишу.

В уходящей со дна колодца галерее легко заблудиться. Отсюда начинают расходиться известные нам "ветви" пещерной системы. Но все ли ответвления удалось обнаружить? Это покажет время. Пока же мы устремляемся в ход, с которого можно попасть как на "старое" (глубина – 287 метров), так и на "основное" (– 970

метров) дно. Притормаживая о свод сапогами, скатываемся по крутопадающим скальным плитам, обрывающимся метровыми уступами в водобойные ямы с жидкой глиной...

Мы на глубине 320 метров. Под нами 107-метровый отвес. Вниз уходят металлический трос, веревка и телефонный кабель. Пристегиваюсь карабином и осторожно перебираюсь к краю колодца.

– Пошел!

Спуск на 13-миллиметровой веревке изматывает больше, чем подъем...

Через сорок метров – перестежка, на узкой наклонной полочке перецепляюсь на другую веревку.

– Наверху! Навеска свободна! – улетает в пустоту мой приглушенный водопадом крик. Тело, пережатое ремнями обвязок, уже не в силах терпеть пытку. Но торопиться опасно. Сильно растянущаяся веревка и так приближает дно с пугающей быстротой. Притормаживаю, гася ускорение и получая в лицо веер грязных брызг.

Отдыхавшись, начинаю принимать спускаемые сверху мешки. Гулкий рикошет срываемых ими камней заставляет поминутно прижиматься к стене...

Помню, когда мы проходили этот участок впервые, я с трудом разобрал доносящийся сквозь гул далекого водопада крик Виктора Яшкина: "Сифон!"

Неужели дно этого колодца – конец наших мечтаний и прогнозов? Спускаюсь, чтобы убедиться в этом самому. Появившийся ручей исчезает в неглубокой луже, над которой нависает резко снизившийся свод.

Классический на вид пещерный сифон. Но, встав на колени, замечаю, что свод на два сантиметра выше уровня воды: полусифон! Загнутовав гидрокостюм, опускаюсь в лужу. Сняв каску и задержав дыхание, скребусь носом о потолок. Ноги упираются в стену. Складываюсь наподобие перочинного ножика и оказываюсь в небольшой камере. Вода через трещину уходит вниз. Справа идет вверх труба, по которой продираюсь до отвесного колодца. Есть продолжение!

Лишь годом позже был найден обход этой ледяной купели.

Сейчас, пройденные неоднократно, эти участки пещеры не вызывают чувства опасности. Правда, под землей подобная самоуспокоенность не раз сурово наказывалась...

9 августа. Вот и лагерь 600. Прикрытая блестящей пленкой палатка придает лагерю фантастический вид. Более прозаично выглядит "столовая" с большой плоской глыбой, окруженной камнями-сиденьями.

Пока не нарушен микроклимат зала, делаем замеры высокоточным термометром. Температура воды и воздуха в среднем +2,5°C. По пути сюда, во время остановок и в узловых точках, мы делали замеры абсолютной высоты над уровнем моря с помощью альтиметра. В базовом лагере на поверхности находится контрольный альтиметр, а так же установлены самопишущие термограф и барограф. Полученные данные, откорректированные по телефону, помогают уточнить достигнутую глубину.

Попав в пещеру, мы живем как бы в вертикальном измерении: отметка глубины говорит обо всем. Даже время здесь, в мире без солнца, физически не ощущается – то сжимается при прохождении колодцев, то растягивается, когда ползем по длинным галереям...

После ужина залезаем во влажные спальные мешки. Долго ворочаюсь, пытаюсь согреться, "вписываясь" в сложный узор глыб, на которых лежит тонкий теплоизолирующий коврик...

Миша встает первым и, запалив карбидку, хлопчет на кухне. Лампа отбрасывает на стену зала огромную тень. Все звуки приглушены шумом водопада. Сегодня мы не спешим: ожидаем, когда шестеро наших товарищей закончат киносъемку у сифона и поднимутся в лагерь. Встреча с ними короткая, но теплая, ведь мы не виделись больше десяти дней!

Во время завтрака на большой плоской глыбе обсуждаем план дальнейших работ. Светлана Ефремова передает мне пойманного на отвесной стене ложноскорпиона. Помещаем его в пробирку со спиртом, где уже плещутся похожие на больших комаров прозрачные долгоножки, найденные в лагере 600. Не ожидал, что в пещере окажется столько живых существ, предпочитающих хотя и промозглую, но безопасную жизнь под каменным небом...

Выходим из лагеря в первом часу. Путь проходит по подземному ручью. Уступы, меандры – речные излучины, колодцы. Впереди нас ждет сифон...

10 августа. Очнувшись, на ощупь нахожу фонарь. На часах без пяти десять. Поднимаю ребят. Сегодня нам предстоит тяжелая работа...

Подобрав себе баллоны, подгоняем к ним ремни. Миша предпочитает носить акваланг за спиной, я же закрепляю по баллону на бедрах – так удобнее проходить узкие участки. К легочным автоматам привязываем веревочки для крепления на шее, иначе в мутной воде не сумеешь перейти от одного загубника к другому. На руки надеваем шерстяные перчатки, поверх них – резиновые: температура воды в сифоне +3,3°C, и незащищенные руки после нескольких минут работы теряют чувствительность. Опускаемся свинцовыми грузами. Надеваю широкие ласты прямо на сапоги. На каску закрепляю подводный фонарь. Вроде бы все готово.

Спускаемся к сифону. Пристегиваюсь карабином к проводу – ходовому концу, и начинаю погружение. Ледяная вода нестерпимо ломит узкую полоску кожи на лбу, не защищенную маской и капюшоном. Набираю глубину. Закладывает уши. Пытаюсь сглатывать, но этот прием не помогает. Продуваюсь, зажав непослушными пальцами ноздри. Боль в ушах проходит. В чистой воде белеет ходовой конец. Что ж, этот сифон нашей экспедицией, можно сказать, освоен. Но Илье и Мише придется идти уже на ощупь: вода стала мутной. Баллоны гулко ударяются о стены. Слышу, как выдыхаемые пузыри лопаются на поверхности воды. Всплываю.

Оттягиваю капюшон, впуская в себя воздух. Только теперь становится ясно, что я протек, но пока не сильно. Запах ацетилена напоминает о карбидке, в которую через форсунку попала вода. Щелкаю пьезозажигалкой. Лампа взрывается столбом пламени, высвечивая стены и свод небольшого грота.

Слабые подергивания провода не прекращаются. Вскоре в темной воде появляется лучик фонаря. Выходит Миша. У него сосредоточенный вид. Он жалуется на боль в ушах. Снимаем капюшон гидрокостюма. На белом вязаном подшлемнике замечаю расплывшиеся бурые пятна. Так и есть, порваны обе барабанные перепонки. А ведь надо еще возвращаться. Настроение у Миши безнадежно испорчено. Для него дальнейшая подводная работа закончена.

Ждем Илью. Удастся ли ему на этот раз пройти первый сифон? Год назад это у него не получилось.

На удивление быстро всплывает Илья. Вместо ослепительного света трех мощных фар на его мотоциклетной каске (собственное изобретение!) видны лишь слабо горящие нити накаливания. Несмотря на драматизм ситуации, мы не можем сдержать улыбок. Илья расстроен – пришлось не столько увидеть сифон, сколько ощупать телом его выступы, подтягиваясь на ходовом конце.

Еще до встречи с первым сифоном нас интересовал вопрос: где же подземный поток пробивается на свет? Вопрос этот далеко не праздный. Арабика опоясана сетью карстовых источников, водосборный бассейн которых определить нелегко. Некоторые из них дают воду курортным поселкам, другие в недалеком будущем также предполагается осваивать. Поэтому, кроме теоретических проблем гидрогеологии карста, существует и практическая задача охраны подземных вод. Мы делаем для этого все возможное – весь "свой" мусор, несмотря на огромный труд по его подъему, захораниваем на поверхности. Но подземные воды загрязняются в основном через карстовые воронки и трещины, сквозь которые проникают талые снеговые и дождевые потоки. Правда, для Арабики эта опасность пока еще гипотетическая.

Нам, спелеологам, важно было определить место выхода подземного ручья: это уточнило бы и потенциальную глубину пещерной системы, и направление ее развития.

Мы с нетерпением ждали результатов эксперимента, который в 1984 году с помощью грузинских коллег проводила группа спелеологов из Института геологических наук АН УССР (*239) под руководством Александра Климчука. Безвредные органические трассеры (*240) – родамин и уранин – запущенные на больших глубинах в систему имени Владимира Илюхина и пещере Куйбышевская, должны были окрасить воду источников близ побережья Черного моря. Вскоре после запуска трассеров началась кропотливая работа по ежедневной проверке и смене угольных "ловушек". Обработка на специальном приборе погруженных в воду кусочков активированного угля дает измененный спектр, соответствующий появившемуся красителю.

Но кончалась уже третья неделя с момента запуска, а спектр не менялся. Время экспедиции, а точнее время отпусков, ибо эксперимент, как и все наши спелеоэкспедиции, проводился на общественных началах, было на исходе, когда, наконец, появились первые следы уранина. Невидимые на глаз, сильно растворенные частицы этого красителя вышли в мощных источниках Репроа и Холодная Речка. Чуть позже уранин был обнаружен и во вскрытом скважиной субмаринном источнике (*241). Вскоре в тех же водотоках появились и слабые следы родамина из пещерной системы имени Владимира Илюхина.

Считая за нулевую отметку расположенный на берегу моря источник Репроа, установили, что краситель прошел путь с перепадом высот по глубине в 2300 метров, то есть, получили глубочайшую карстовую гидросистему в мире!

В атласе Международного спелеологического союза карстовая гидросистема "Владимира Илюхина – Куйбышевская – Репроа" заняла почетную верхнюю строку. Интересно было и то, что две крупнейшие пещеры массива оказались лишь верхними водоотводящими ветвями одного гидрогеологического дерева. В гигантском "стволе" собирает оно живительную влагу с огромных площадей и выдавливает ее на поверхность через глубокие "корни" – источники.

К сожалению, там, где способна просочиться вода, не всегда может пройти человек. Даже раскопки, взрывы и акваланги не могут гарантировать стопроцентного успеха.

Оказываясь перед выбором, каждый из нас вначале проверяет наиболее простые, но не всегда правильные варианты.

В нашей системе таким перепутьем оказался первый сифон.

А за ним – второй.

10 августа. Оставив у первого сифона комплект подводного снаряжения, бредем по неглубоким лужам с глинистыми берегами, изредка пригибаясь под низким сводом. Здесь нет привычного грохота воды. Подземный ручей, проработавший эти галереи, теперь течет по более короткому пути.

Небольшой отрезок высокого меандра – и мы у озера, ведущего ко второму сифону. Пока кипятится чай, согреваюсь пробежкой. Затекший гидрокостюм не располагает к остановкам. Миша вновь готовит аппараты к работе. Опоясываюсь баллонами. Приматываю к правой руке подводный фонарь. Каску, на которой он обычно крепится, пришлось снять.

По узкой щели пробираюсь к сифонному колодцу. Миша с Ильей, готовые страховать, перебираются выше, на скальную полку. Пристегнувшись к ходовому концу, ухожу в глубину...

Незамутненный подводный тоннель манит темнотой. Попав в тупик, успеваю заметить, что ходовой конец уходит в узкую расщелину. Повернувшись на бок, залезаю туда, стуча баллонами. Ширина щели меньше полуметра, но постепенно щель расширяется. Появляется полоса чистой воды. Всплываю в небольшом гроте. Ходовой конец чудом держится на выступе. Легкий рывок – и он слетает в воду.

Балансирую на крутом подводном склоне, пытаюсь закрепить провод за натечную микроколонну. После третьего срыва это удастся. Озерцо продолжается еще метров пять-шесть, заканчиваясь новым сифоном. Дальше – неизвестность".

** * **

Скользя глазами по этим строчкам, ощущаю знакомый холодок в груди.
Дальше – неизвестность. В чистом кристаллизированном виде.
Ни один человек с Мира, во всей Вселенной не знает, что Там, за призрачными дверями сифона.

Стоя на пороге неизвестности, я всегда ощущаю какую-то робость.

Мое Я будто раздваивается.

Одна половинка, охваченная азартом любопытства, рвется вперед – что там, дальше?

Другая, более осторожная, тянет за рукав – может быть, не стоит?

Вдруг там...

Что? Что там, в этой Неизвестности?

Чем обернется она для первопроходца через минуту?

Радостью победы или...

Если думать о поражении, идти не стоит.

Сомнения не прибавляют уверенности.

"Бойсься – не делай, делаешь – не бойся!"

Кто это сказал?

** * **

"Идти в новый сифон без ходового конца – безумие, но чистая вода и круто поднимающееся дно показывают, что сифон небольшой. Решаюсь на разведку. Через два-три метра всплываю в новом озерце. Впереди виден ход. Обернувшись, запоминаю место всплытия.

Вскарабкавшись на берег, не спеша освобождаюсь от аппаратов, ласт, маски. Куда торопиться, если впереди наверняка новый сифон. Но вирус первопрохождения уже овладел мной. Быстро пробегаю несколько поворотов красивого меандра с хрупкими песчаными пластинами-заберегами и оказываюсь перед глубоким колодцем. Стекающий по стене колодца ручеек отложил на ней белоснежную дорожку гроздевидного кальцита...

Пытаюсь спуститься, но через несколько метров понимаю всю нелепость этой затеи. Оглядевшись, замечаю слева продолжение разлома – там колодец. Иду распорами над колодцем: широко расставив ноги, упираясь руками и ногами в стены. Попадаю в глинистую галерею, вскоре выводящую к параллельной ветви отвесов. Первый, десятиметровый, преодолеваю, расклинившись в узкой вертикальной щели. Острые скальные зубья угрожающе царапают толстый капрон комбинезона. Не хватает только порвать гидрокостюм – в нем и так достаточно воды! В самом низу щель резко расширяется. Повисаю на резиновых перчатках, рискуя порвать их, и пытаюсь нащупать опору для ноги. Дно. Поворот – и новый уступ. Он в два раза короче, но ничуть не проще. За ним – еще один, отвесный глубокий колодец. Брошенные камни с бульканьем уходят в воду...

Прикидываю общую глубину. С учетом последнего колодца получается более километра. Заветный Рубикон: -1000, перейден!

12 августа. Сегодня необычный день: предстоит выход за второй сифон. Должно свершиться то, к чему мы стремились два долгих года. Жаль Мишу – своей травмой он вычеркнул себя из списка "счастливчиков". Но каждый из нас старается не выдавать своего настроения. Все заняты работой. После завтрака Сергей с Мишей готовят акваланги и приводят в рабочее состояние кинокороб. Я возжусь с фотоаппаратами и вспышками, тщательно упаковываю в мешок веревку и вещи, те, что останутся за вторым сифоном для следующей экспедиции. Илья обматывает очередным мотком изоленты свое трехглазое детище.

– Готово, – наконец роняет он и, щелкнув выключателями, демонстрирует ослепительную мощь своего сложного сооружения.

Пытаюсь оттянуть неизбежный момент проверки снаряжения, когда надо полностью окунуться в ледяную купель озера. Но, делать нечего, приходится лезть в воду. Выжатый из одежды воздух оживляет клапан гидрокостюма, заставляя его судорожно посвистывать. Цепочка мелких пузырьков торопливо устремляется к поверхности. Пробую дышать из второго легочника. Вроде бы все в порядке. Всплываю. Рядом проверяет свое снаряжение Илья.

Стоящий по грудь в воде и уже подзамерзший Миша занят киносъемкой.

– П-поех-хал-ли! – выстукивает он зубами команду.

Ухожу в сифон, обернувшись на уже погруженный в воду объектив. Илья – рядом. Повторяем уже знакомый путь: уступы, галереи, озеро... Небольшая передышка перед вторым сифоном. Всплываю в гроте. Лопающиеся пузыри предвещают появление Ильи. А вот и он сам. Жалуется на боль в ушах. Приступаем к непростой операции – наращиванию ходового конца, служащего на сей раз и телефонным кабелем. Зависнув на одной руке, нужно исхитриться соединить пальцами второй руки ошетилившиеся стальными проволочками концы проводов. Единственное, что мне удастся сделать за пятнадцать минут борьбы, это порвать об острые скалы последнюю целую резиновую перчатку. Холод сковывает и пальцы и тело. Скручиваю связанные провода куском изоленды, словно веревкой.

Илья отплывает за короткий сифон, я разматываю за ним кабель. Следует сигнал: два рывка. Плыву за Ильей. На берегу оставляем все подводное снаряжение. Дальше мы понесем лишь бухту веревки, молоток, шлямбур, скальные крючья, карабины и личное "железо".

Уже около шести вечера. Связи с лагерем –950 нет. Видимо, скрутка проводов не удалась.

– Может, откликнется база? – говорит Илья.

Вызываем. Молчание...

Мы наверху колодца, остановившего меня позавчера. 120-метровая веревка сходит кольцами – через каждые пять метров приходится их распутывать. Долго спускаюсь, любуюсь прозрачными кальцитовыми дорожками, что проложила медленно стекающая в колодец вода. На дне не могу сдержать восхищения.

– Красота! – кричу Илье.

Он ничего не понимает – при "продувании" все же порвал перепонку. Жду, когда он спустится, и вместе рассматриваем россыпи жемчужин. Кальцитовый "цемент" незаметно приковал эти каменные блестящие шарики ко дну взрастивших их ванночек. Отдельные жемчужины достигают трех сантиметров в диаметре. Для пещер это редкая находка. Осторожно проходим след в след среди хрупких кальцитовых пластин...

Вот и край очередного уступа. Аккуратно отматываю десять метров веревки. Приземляюсь в глубокую лужу. Обрезаю веревку, но оплачивать ее мокрый конец некогда. Вяжу узел, и идем вперед. Новый, на этот раз отвесный колодец. Здесь надо бы повесить и страховочную веревку. Но бухта слишком мала. Придется экономить.

Закрепив веревку и сбросив остатки бухты вниз, начинаю спуск. Серо-голубая стена, прочерченная оранжевой полосой кальцита, прерывается уступом с глубокой лужей. Отталкиваюсь от стены и приземляюсь рядом с водой. Зову Илью. Вскоре он стоит рядом, держа полупустой мешок.

На уступе необходим крюк, иначе веревка может перетереться. Пока Илья достает шлямбурный набор, надеваю самохваты – специальные приспособления для подъема. Даже если веревка кончится на отвесе, я сумею подняться по ней...

Я уже потерял счет пройденным вертикалям. Новый колодец глубиной около 15 метров заставляет призадуматься. Если бы не доносящийся снизу шум воды, я бы

повернул назад. Но этот манящий гул притягивает не хуже магнита. С трудом нахожу единственно возможный вариант спуска, который заканчивается сложными распорами в вертикальном лабиринте глыб. Впереди широкая и высокая трещина, по дну которой струится поток. Наклонные темные стены убавляют оптимизм. Пробегаю вдоль этого разлома. Стою у начала узкого озера. Глубоко уходя под левую стену, вода образует длинный сифон. Третий сифон на нашем пути! Комки глины, падающие из-под ног и локтей, замутняют прозрачную воду. Трещина сужается. Продвигаться в распоре все сложнее – скольжу по мокрой глине вниз. Двигаюсь по инерции, только чтобы убедиться, что озеро имеет конец.

Ход заканчивается. Это последняя точка, которой нам суждено достигнуть в этой экспедиции. Следующим летом придется нырять уже на этой умопомрачительной глубине.

На часах 20.30. Предстоит мучительный подъем...

Нам пришлось проработать до девяти утра. Вместе с Ильей, обеспокоенным моим долгим отсутствием и спустившимся вниз тем же головокружительным маршрутом, мы сделали топографическую съемку не только новой части, между третьим и вторым сифонами, но и пересняли галерею между вторым и первым. Полусонные, замерзшие, но гордые тем, что удалось выйти победителями из решающего поединка, вернулись мы в лагерь.

Впервые в мировой практике на подобной глубине, за сифонами, было пройдено более двухсот метров вертикалей. Глубина пещеры возросла до 1220 метров. В ней отснято почти шесть километров ходов и галерей. И все же это пока лишь истоки большой подземной реки, путь к устью которой займет не один год".

Да, это был успех, не имевший аналогов в Море.

* * *

К этому, замечательному для исследователей Перовской-Илюхинской, году я отношу начало наших с Володи все более и более близких контактов.

Занявшись после ВВП-85 "первопрохождением" SRT, я крайне нуждался в информации – каждый неверный шаг на одинарной веревке грозил весьма неприятными последствиями. И, как я уже говорил, Киселев по-царски широко распахнул передо мной сокровищницу своей литературы по спелео.

Как это было здорово! Чувствуя, что я взялся за дело всерьез, Володя звонил, сообщал о появлении новинок. Киселев более, чем кто-либо другой, понимал прогрессивность применяемой за рубежами СССР одноверевочной техники, но, за другими вопросами, видимо не имел возможности заниматься реформаторством в этой области.

Скорее, не хотел, потому что всякое реформаторство – это во многом политика, это необходимость спорить и доказывать, отбиваться от нежелателей и даже охранять свой приоритет от ретивых, но припоздавших встать на тропу честолубцев,

А политики Киселев всегда мудро сторонился.

И еще одна черта делала Киселева Киселевым – его щедрость на передачу контактов с иностранцами. Только тот, кто пожил за пресловутым "железным занавесом" поймет, что это значило для заштатных спелеосекций, вроде усть-каменогорской.

* * *

Два добрых Бога постоянно оказывались рядом на моем пути в кейвинге, чтобы помочь или предложить что-нибудь нетривиальное: два Володи – Резван и Киселев.

Они и работали много вместе – в течение многих лет по крупицам собирали информацию о несчастных случаях в советском спелеотуризме, анализировали и, главное, делали эту информацию доступной для остальных.

Я рад, что мне удалось поучаствовать в этой работе, посылая Вовкам подробнейшие анализы аварий и ошибок на одинарной веревке, которые не замедлили быть на нашем одноверевочном пути.

Оглядываюсь и смотрю на висящую на гвоздике потускневшую брелок-медаль: выпуклый спелеолог уходит вниз на одинарной веревке, цифры – 1988, и сзади контуром первопроходец в шляпе вместо каски и цифирка 8 над девяткой.

Надпись полукругом: CENTENAIRE DE LA SPELEOLOGIE FRANCAISE.

Эту медальку-брелок Володя подарил мне однажды у себя дома, в Ясенево.

Тогда весь просвещенный мир жил под знаком 100-летия мировой спелеологии.

А в СССР – мы радовались еще и 30-летию спелеологии советской.

То ли по тому поводу, то ли еще почему, но Киселев недавно побывал во Франции, вернулся с хорошими впечатлениями, привез новую кучу литературы, о чем немедленно черкнул мне:

– В Москву не собираешься? Есть кое-что интересное.

Я увидел эту медальку: висящей за стеклом серванта – у Киселева вообще были такие эффектные вещички буржуйского калибра, что порой глаз не оторвешь. Я уставился на медальку, повертел в руках и, стараясь не вздохнуть, повесил на место. А Володя этак просто снял ее и протянул:

– Вот, чуть не забыл. Это тебе.

– Мне?! Черт меня заberi. Спасибо! А как же ты?

– А мне две подарили.

* * *

Киселев как-то умел помнить о том, что вам было необходимо и, в меру возможности, старался помочь.

На Тбилисском Международном Симпозиуме, куда я чудом успел, преодолев аэрофлотовский полтергейст, думаю, не одному мне было не слишком уютно.

Почти немой со своим техническим по вузовской программе английским (а скорее от робости перед раскованными, как у себя дома, иностранцами), я с уважением и тихой завистью следил за Климчуком и Киселевым, которые внешне ничем не отличались от наших зарубежных коллег: улыбки, мягкая английская речь.

Вообще, языки – это вопрос вопросов!

Подходит Резван и, глядя в расписание, сообщает порядок работы на Симпозиуме:

– Надо подойти к председателям своих секций и сказать, кто основной докладчик, кто что... Так, а кто у нас председатель? О! Ку-на-вер Ю., Югославия. Вот ты прикинь, подойду я к нему и что скажу?

– Да-а, – я начинаю озадаченно вникать в проблему. – А кто у меня?

– Триммель, Австрия. Ну, тебе легче.

– Это почему?

– Так с ним все ясно: Хайль, Гитлер! Хенде хох!

Сидим, слушаем выступление члена Бюро МСС венгра Лайоша Тарди.

– Мы собрались на гостеприимной земле Джорджии... – начинает венгр по-русски.

Резван толкает меня под бок:

– Слушай! Я, кажется, венгерский язык понимаю!..

– Что вы все – "языки-языки", – фанат Кугитанга Володя Мальцев улыбается в длинные усы. – Вот подходит иностранец к милиционерам и что-то их спрашивает по-английски. Те не понимают. Иностранец повторяет вопрос на немецком. Тот же результат. Тогда иностранец спрашивает то же самое на французском, потом поочередно еще на нескольких языках. Так ничего и не добившись, уходит ни с чем. "Надо иностранные языки учить, – говорит один милиционер другому. – А то не понимаем ничего". "Ха! – отвечает второй. – Этот вон сколько знал. Ему это

помогло?"

После обеда откуда-то выныривает Киселев, мягко улыбается своей неименной улыбкой:

- Пообедали? И как?
- Два рубля, дороговато, трам-тарарам...
- Где это вы так погуляли?
- На восьмом этаже...
- То-то, а еще спелеологи! - Киселев смеется. - К земле надо ближе

держаться - в подвале под залом заседаний то же удовольствие, но за 80 копеек! Резвану - что, он в Сочи живет, привык к таким ценовым перепадам, это нам, среднеазиатам, пока в диковинку.

- Ладно, - говорит Резван. - Мне вот анекдот рассказали. На Конгрессе этимологов (*242), вот, вроде, как у нас, читают доклад: "Мы можем объяснить, например, происхождение слова "стибрили". Когда Александр Македонский захватил город Тибр, там у него украли меч... Есть вопросы?" "Есть. Скажите, а в городе Пиза ничего не пропадало?"

Мимо проходит группка иностранцев во главе с темпераментным итальянцем Пауло Форти, о котором президент МСС Дерек Форд сказал, что его можно звать Пауло Фортиссимо.

- Интересно, - Резван задумчиво смотрит им в след. - Интересно, вот Пауло - он член мафии?

В этой группе выделяется не только итальянец. Высокий грузный председатель североамериканских спелеологов Ричард Гарни доброжелательно отвечает на вопросы Булата Мавлюдова, который довольно уверенно шпарит по-английски.

- Смотри, - говорит Володя, - Булат сомкнулся с акулой империализма!

Булат - геолог, серьезно занимается подземными ледниками, много времени провел в Снежной, благо льда там хватает.

Мы его периодически подкалываем, утверждая, что во время доклада Дублянского он кричал "Лажа!"

Булат слабо отбивается.

* * *

"Учитель! Воспитай ученика..."

Как паутина жизни ни тонка,

Как ни опасен вечный ход движений, -

*Учитель, воспитай ученика..." (*243)*

Не знаю, считал ли Володя себя учеником Дублянского, но все мы в той или иной мере - последователи тех первых, кто прокладывал путь.

И еще я знаю, что это тяжело, когда в Поля Большой Охоты уходят те, кто должен был идти позади...

"Погиб Владимир Киселев... Для меня, спелеолога "первой волны", его смерть мучительна вдвойне. Всех нас, первооткрывателей и исследователей тайн подземного мира, связуют невидимые нити. И особенно много их протянулось к Володе..."

Нить первая. Меня познакомил с Киселевым в 1979 году мой друг и коллега Владимир Илюхин: "Присмотрись к этому парню. Это завтра нашей спелеологии". Затем последовали короткие встречи в Перовском клубе, дома у Илюхина, где мы обсуждали перспективы только что обнаруженной на Арабике, тогда еще безымянной шахты. Вскоре ее назвали именем трагически погибшего Владимира Илюхина. Эстафету исследований подхватили друзья и ученики, первым среди которых надо назвать

Володю Киселева, совершившего в ней настоящий спортивный подвиг – преодолевшего на глубине свыше 1000 м несколько сложных сифонов...

Мне не довелось работать вместе с Володией Киселевым в пещерах бывшего СССР. Наши встречи проходили во Владивостоке и в Тбилиси, Сочи и Перми, Ленинграде и Симферополе. Но в 1988 г. мы вместе прошли и проползли более 15 миль по пещерам Канады и США – Гаргантюа и Мамонтовой, Нью-Кейв и Флинт-Ридж, Карлсбадской и Винд-Кейв. И каждый раз я открывал для себя не только новое в подземном мире Северной Америки, но и нового для себя Киселева – любителя и знатока подземного мира.

Нить вторая. Владимир Киселев входил в спелеологию не только через первопрохождения. О спортивных достижениях и его роли в открытии запредельного лучше расскажут те, кто был рядом с ним. Не имея ученых званий и степеней, Володя глубоко профессионально занимался научными аспектами спелеологии. Вероятно, широта и глубина его знаний отчасти объясняется тем, что он блестяще владел английским языком и много лет проработал в ВИНТИ, получая новейшую информацию о пещерах всех районов мира. Его профессиональная подготовка определила и первое поручение по линии Секции Спелеологии АН СССР – наладить четкое прохождение за рубеж достоверной информации о советской спелеологии.

И опять протянулась "ниточка" – международные контакты, установленные в далеком 1965 Владимиром Илюхиным, продолжили, развили, укрепили Владимир Киселев, Александр Климчук и многие другие спелеологи. Этим направлением Володя занимался более 10 лет. Его оперативности, переводческой способности мы обязаны тому, что на страницах "Speleological Abstracts" достойное место заняли и наши достижения.

Нить третья. Это публикации в зарубежных изданиях новейших данных об исследованиях крупных пещер СССР. В первом Атласе "Крупнейших пещер и шахт мира", подготовленном П.Курбоном в 1972 г., сведений об СССР вообще нет, во втором (1979) усилиями автора помещены планы и разрезы 4 полостей, в третьем (1986) благодаря В.Киселеву и А.Климчуку – их уже 12. Сейчас трудно найти такой спелеологический журнал, где бы в разделе "Новости" не было их заметки о новых открытиях. Публиковали они и аналитические обзоры по проблемам спелеологии в бывшем СССР. Международный резонанс от таких публикаций был очень велик: ведь чего греха таить – в 70–80 годах сообщения об успехах советской спелеологии не всегда воспринимались всерьез, часто их считали "коммунистической пропагандой"...

Нить четвертая. Научные исследования. Володя не был геологом по образованию. Но он вообще был настолько широко эрудирован, что на равных вел дискуссии со специалистами и внес значительный вклад в познание гидрогеологии карста. Об этой стороне его деятельности можно писать много. Спелеоподводные исследования В.Киселева позволили уточнить палеогидрогеологию Ткибульской ГЭС (Шаорская котловина), Ново-Афонской пещеры (открытие и исследование пещеры Хабю) и района Красной пещеры (прохождение трех сифонов в пещере Алешина Вода), Каповой пещеры (подрусловые сифоны) и района Пинего-Кулоя. У нас с Володией много лет существовала традиция непрерывного обмена информацией и материалами. Вот и сейчас передо мной лежит папка "Для Володи", где для его планировавшихся погружений приготовлены планы сифонов пещер Кара-Баши и Аянских... С первого дня нашего знакомства в нем ярко проявилась черта, которой, увы, часто недостает даже лучшим из нас – обязательность. Ни одно письмо, ни один вопрос, поднятый в нем, не оставались без оперативного, обстоятельного ответа. Володя был не нитью, а прочнейшим связующим звеном между научными работниками и спелеологами-практиками. Его роль в обмене между ними материалами, идеями, знаниями трудно переоценить. Размеры утраты мы ощутим незамедлительно...

Нить пятая. Еще в 70-е годы мы с Володией Илюхиным разработали план приглашения в СССР по линии Академии Наук виднейших зарубежных спелеологов и руководителей Международного Союза. Осуществление его шло тяжело. Только в 1979 году прилетела первая "ласточка" – Р.Гарни (США), затем последовали Р.Эразо (1982, Испания), Х.Триммель (1983, Австрия), И.Фодор (1986, Венгрия), Д.Форд

(1986, Канада). Во всех этих приемах неизменно участвовал В.Киселев (или при встрече и проводах в Москве, или на маршруте как гид и переводчик).

Особый размах, но уже не по академической линии, эта деятельность получила после его перехода в "Полярэкс" (*244). Не будет преувеличением сказать, что Володя открыл пещерный мир нашей страны для десятков (если не сотен) спелеологов дальнего зарубежья. Вторая сторона этой же медали – зарубежные поездки Киселева. Он был в десятках стран мира, спускался в сотни пещер и поэтому был как бы эталоном советского спелеолога за рубежом. И трудно было бы выбрать более достойного представителя на эту роль. Его любимое выражение, которым он встречал любые возникающие трудности ("не будем горячиться") сегодня можно услышать на многих языках...

Нить шестая. Володя Киселев был великолепным воспитателем – ненавязчивым, терпеливым. Он учил главным – личным примером. Его сводки по спелеоприспособленности в пещерах СССР – пример глубокого анализа причин их возникновения, одинаково полезны начинающим и опытным спелеологам. В 90-е годы мы обсуждали с ним макет 3-го издания учебника "Путешествия под землей", которое, с учетом изменений в технике и тактике (SRT, подводные исследования и пр.) он считал совершенно необходимым для подготовки молодежи. У Володи было много учеников и последователей во всех спелеологических районах бывшего СССР.

Таким мы и запомним Владимира Киселева – спокойным и уверенным в себе, обаятельным и корректным, много знающим и еще больше – умеющим. Для меня Володя был образцом современного спелеолога, несмотря на разницу в возрасте – коллегой и другом..."

В.Н.Дублянский

* * *

Лучше едва ли можно сказать...

А память все раскручивает рваные кадры из совсем еще недавно прожитых событий, о которых – совсем еще недавно! – можно было при встрече вспомнить вдвоем.

...Над поляной у Ручейной (*245) хмурится моросью вечернее небо. Володя только что вышел из-под земли, где вот уже третий день продолжаются "спасы". В своей неизменной клетчатой ковбойке он кажется еще массивнее.

Смотрю и первое время не пойму, что так останавливает взгляд – ну, пьет человек кофе...

Ба! Вот оно в чем дело.

Во, дает!

Держа в левой руке сразу две кружки – таким ловким Киселевским хватом, Володя прихлебывал поочередно из каждой.

– Классно! Сразу из двух стволов дуплетом?

– А ты попробуй: горячий кофе с холодной водой, это, знаешь...

Я так и называю теперь – пить кофе "по-киселевски".

...На Буковой поляне все готово к отходному банкету. Поляки накупились в Осенней, мы – накувыркались в Ручейной. Но "главбух" Шалыга добыл 5-литровую канистру чачи, и мы в предвкушении начать.

Задержка в том, что Артур готов продать свой французский "кроль" и "беседочный "мэйон рапид". Если я беру, то должен выложить 140 рублей. (Мама моя! Это при моей зарплате в 180...).

Но французские.

Но за бешеные деньги.

Но сразу...

Можно и подождать пару месяцев – поляки обещают привезти на Арабику партию польских зажимов и гораздо дешевле – по 35-40 рублей.

Но потом.

Но дешевле...

Киселев с улыбкой следит за моими страданиями, которые, видимо, отражаются на моей физиономии, потом тихо говорит:

– Если есть деньги, бери. Не пожалеешь. Это же Петцль.

Я взял.

И до сих пор хожу на том желтом "кролле" и джуралевом треугольном "рапиде". Спасибо, Вовка! Я и правда ни разу не пожалел о тех деньгах.

...Совершенно удивительный кадр из памяти.

Мы сидим в сказочном маленьком зале с паркетным полом и камином с омедненной решеткой. Праздничный стол украшен удивительным огромным тортом с изображением православного креста. И настоящий батюшка при рясе, кресте и прочих культовых причиндалах с нами за столом.

Мы слегка обалдевшие, а приведший носителя сана Киселев спокойно режет тортюру с православным крестом на кремовой поверхности.

Мы празднуем 1000-летие Крещения Руси в Сочинском отделении Географического Общества СССР.

...Мы снова в Сочинском Отделении ГО, экспедиция позади, от недавнего пешего спуска по долине Сандрипша все еще ломит ноги, и мы тянем из кружек традиционную абхазскую "Изабеллу", прикупленную накануне в Гантиади.

Открывает тяжелая резная дверь и к нам в каминный зал заглядывает Киселев:

– Что пьете?

– Вот попробуй – от стола гостеприимно протягивается кружка.

Киселев пробует, потом исчезает за дверью:

– Подождите.

Через минуту он ставит на стол прозрачную канистру с диковинным прозрачно-рубиновым напитком:

– Попробуйте-ка вот это. Только уговор, не больше половины. Оставьте на завтра, я обещал поляков настоящим вином угостить.

Я до сих пор не пил ничего более удивительного, чем это игристое, удивительного аромата вино.

Володя знал и умел выбирать лучшее.

...А потом, потом был сочинский аэропорт, "утомленное" солнце над взлетной полосой, куда нас выпустили как провожающих иностранную делегацию (и опять же не без гипноза излучающей солидность и благожелательность Киселевской фигуры).

Но рейс задерживают, мы сидим на лавочке, и уже непонятно, кто кого провожает. Мы говорим сразу на всех кавказских языках, пьем то самое удивительное вино прямо из канистры, и разомлевший Резван пытается напоить из той же канистры приبلудного черного мордастого кота.

И, наконец, Ленинанкан.

Странички моего ленинанканского дневника:

"16 декабря 1988 года.

Вот и еще один день. Сегодня откопали двоих погибших – девочку, и, уже в темноте, мужчину.

Позавчера по городу откопали 23 человека живыми. Вчера – троих из текстильной фабрики. Сегодня?

У нас только трупы. Сначала считали, потом перестали.

Вчера вечером снова увидел знакомые налобные фонари, и яркий свет карбидки. Подошли – точно! Московские спелеологи, и среди них наш коллега по кавказским экспедициям этого лета Володя Киселев.

Вижу и другие знакомые лица. Здесь Бен – во времена путешествий по подмосковным катакомбам многие знали эту кличку. Тогда не пришлось – знакомимся теперь, на ночных улицах Ленинанкана.

Киселев и его команда работают на "нашей" чулочно-носочной фабрике, где мы ночуем.

К ночи Володя заглянул к нам на чаек, благо, мы уже вернулись с работы. Московские спелеологи-спасатели в количестве 20 человек опередили нас с приездом в Ленинанкан всего на сутки. А ведь им не в пример ближе добираться. Зато московская бюрократия крепче усть-каменогорской.

Володя рассказал, что у них под завалом кто-то стучит. Приехали австрийцы с тепловизорами. Пробуют пробиться сверху и сбоку...

От Киселева узнаю, что здесь же в ленинградской команде Антон Саакян.

Коля Журавский, бывший начальник Чимкентской КСС, а теперь ленинградец, ходит с портативной радиостанцией – удалось "выбить" перед самым отъездом. А здесь связь только у военных и милицеейских патрулей. Не скажу, что спасателям она менее нужна.

Еще радость – в Ленинанкане работают киевские спелеоспасатели, среди них Саша Резников и другие мои знакомые.

Поговорили с Киселевым о пещерах. Хорошо! Как воздух свежего глотнул..."

Как-то подумалось: Друзья – это те, кто в трудную минуту оказываются там, где оказываешься ты...

Мужики, я, наверно, никогда не привыкну к тому, что его нет.

Какая страшная потеря...
Споткнувшись, замерла весна...
И только письма к нам летели –
Посланцы горя всем, кто знал.
Они нас били на излете
Под вздох.
И только боль в груди...

Володя, как же ты? Володя...
Нет, что же это... погоди...
Я знаю, ты был осторожен,
Там, в этой черной Пинеге,
Но что-то... что же?

что же??

что же ???!!!

Пустое...

Вовки больше нет.

Такой спокойный и надежный,
Всегда нацеленный вперед,
Ты шел туда, где было сложно,
Где черта черт не разберет.
На острие,
Где все непрочное,
Я помню глаз твоих прищур.
Погиб...
Смотрю на эти строчки
И верить, верить не хочу!

Ты шел по самому по краю,
Немногословный и большой.
Слышь, Вовка,
– мы не умираем,
Мы где-то встретимся еще... (*246)

-
- *232 **"Вестник спелеоклуба "Барьер"** МФТИ Специальный выпуск от 15 марта 95г., Москва.
- *233 **Некролог в книге А.Нора** "Мчишта. Дневники спелеоподводника".
- *234 **"Вестник спелеоклуба "Барьер"**, МФТИ, Специальный выпуск от 15 марта 1985 года, стихи и посвящение К.Дубровский.
- *235 **К.Б.Серафимов** "Да разве в этом дело?", март 1996 года, памяти Володи Киселева.
- *236 **ХРОНИКА** (из спецвыпуска Вестника спелеоклуба МФТИ "Барьер") 15.03.95.
- *237 Все пещеры в спелеотуризме, как перевалы в горах, были классифицированы по категориям от 1 – самые простые до 5Б – наисложнейшие. Неверная, по сути, классификация. Категорией сложности обладают не пещеры, а маршруты по ним. Из определенного набора категорийных пещер (маршрутов) складывались категории сложности путешествий, а те, в свою очередь, засчитывались на присвоение спортивных разрядов. Если у вас чесалось тщеславие.
- *238 **Владимир Киселев** "В пропастях Арабики", "Вокруг света" № 11, Москва, 1987 год.
- *239 **АН СССР** – Академии Наук Украинской ССР, была такая республика...
- *240 **ТРАССЕРЫ** – краска для трассирования, прослеживания путей подземны водотоков.
- *241 **СУБМАРИННЫЙ ИСТОЧНИК** – источник, выходящий из-под земли на поверхность под уровнем моря.
- *242 **ЭТИМОЛОГИЯ** – раздел языкознания, исследующий происхождение слов разных языков.
- *243 **Г.Поженян** "Слово о Владимире Киселеве", эта и следующая цитата из записок В.Н.Дублянского, Симферополь, март 1995 г.
- *244 **"Полярэкс"** – свердловская организация, в рамках которой функционировал спелеологический центр и с которым в послеперестроечные годы сотрудничал Киселев.
- *245 **Ручейная** – одна из известных пещер хребта Алек, Зап. Кавказ, Россия
- *246 **К.Б.Серафимов** "Владимиру Киселеву", 19 апреля 1995 года.

Константин Борисович Серафимов

"ЭКСПЕДИЦИЯ во МРАК"

www.sumgan.com